

История философии.

45. Ответы Беркли на возражения.

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, возвращаясь к Джорджу Беркли, я надеюсь, что после прошлого раза философская позиция, которую он развивает, станет более понятной, как и его аргументы в её поддержку. Возможно, поначалу вам показалось, что то, что он пытался доказать, довольно неправдоподобно, но к тому моменту, когда вы увидите, как он это делает, я думаю, уровень правдоподобности повысится почти на 100%. То есть, если он может обосновать эти три основные философские позиции, то его отрицание существования материи, субстрата, независимо от какого-либо разума, кажется вполне обоснованным.

Поскольку понятие материи — это абстрактная идея, а не эмпирическое понятие, и как номиналист, он утверждает, что у нас просто нет абстрактных идей; слово «материя» не имеет никакого отношения к чему-либо, понимаете? Поэтому, когда вы говорите о реальности материи, вы понятия не имеете, о чём говорят люди. Сам Локк говорил, что материя — это нечто, чего я не знаю, что это такое.

Аналогично обстоит дело и с его ментализмом, потому что если верно, что все наши знания о материальных объектах проистекают из наших представлений о первичных и вторичных качествах, и если верно, что у нас никогда не бывает идей о первичных качествах независимо от вторичных качеств, или наоборот, и что как первичные, так и вторичные качества относительно и зависят от различных условий наблюдения, то, кажется, следует, что и первичные, и вторичные качества находятся в одном и том же состоянии, а именно, они субъективны, это просто качества наших идей, и у нас нет доказательств существования каких-либо неизменных качеств, или, если не неизменных качеств, то, по крайней мере, объективных качеств, в материальном субстрате. Таким образом, его вывод, по-видимому, заключается в том, что, насколько это касается эмпирических данных, все, что мы знаем, — это умы и их идеи, а наши представления о материальных объектах — это всего лишь идеи, составленные из первичных и вторичных качеств без понятия материи. Поэтому, если бы он остановился на этом, это вызвало бы немедленное возражение.

Как объяснить упорядоченную однородность природы, особенно в ньютоновскую эпоху, когда природа понималась именно так: неизменные законы, неизменные силы и так далее, этакая совершенная машина? Как это объяснить? В дополнение к этому вопросу, как объяснить ваши идеи, если они не вызваны внешними материальными вещами? Что ж, его ход мыслей здесь, я думаю, очень прост. Его отправная точка, по сути, — это Декарт. Я думаю, и я думаю, что идеи — это объекты мышления, то, о чём мы думаем.

Я думаю, и я думаю об идеях, но затем он говорит вот что: среди наших идей мы должны различать активные и пассивные идеи. Если хотите, произвольные и непроизвольные идеи. Потому что есть некоторые идеи, которые у меня возникают, и которые я выбираю иметь.

Моя идея о жирафе-фее с крыльями бабочки — это спонтанная идея, потому что я её придумал и воплотил в жизнь. С другой стороны, существуют и другие, непроизвольные идеи, а именно большинство чувственных впечатлений, которые к нам приходят, просто непроизвольно регистрируются в сознании. Непроизвольные идеи.

И хотя совершенно очевидно, что я могу быть причиной активных, произвольных идей, совсем не очевидно, что я могу быть причиной пассивных идей, потому что зачастую такие идеи возникают не только незванные, но и нежелательные. Например, идеи боли. Значит, должна быть какая-то другая причина этих непроизвольных или пассивных идей, помимо моего разума.

Идеи — это ментальные вещи; у них должны быть ментальные причины. Значит, эта другая причина должна быть каким-то другим разумом. Он не рассматривает идею телепатии, особенно ту, что вы могли бы подбрасывать мне всевозможные идеи.

Нет, следующий шаг в его размышлениях — это обратить внимание на единообразие природы. То есть на единообразие нашего опыта. На тот факт, что в нашем опыте, сформированном на основе наших идей, есть предсказуемость.

Тот факт, что все присутствующие в этой комнате слышат примерно одно и то же на данном этапе. Тот факт, что мы живем в мире, где здравый смысл играет определяющую роль. Единый порядок, единая предсказуемость, общедоступные свидетельства и так далее.

Следовательно, причиной такого единообразия должен быть некий высший разум, некий высший интеллект, некий бесконечный дух, Бог. Таким образом, Бог — это тот другой разум, который необходим в случае пассивных идей. Бог не только порождает наши пассивные идеи, но и даёт нам упорядоченный мир опыта со всеми его предсказуемостями.

Он не только создатель нашего ограниченного разума, но и тот, кто наполняет его смыслом. Поэтому наши ощущения — это своего рода божественный язык. Язык Бога, с помощью которого мы постигаем порядок вещей, к которому нам приходится приспособляться, в который нам приходится вписываться.

Таким образом, мы участвуем в замыслах Бога. Это своего рода эмпирический эквивалент утверждения, что человеческий логос участвует в божественном логосе. Человеческий разум участвует в божественном разуме.

Поскольку наш опыт — это упорядоченный мир идей, которым обладает Бог и который Он нам даёт, то, как выясняется, Бог является достаточной причиной, не только необходимой причиной, но и достаточной причиной не только всего сущего, но и всех идей, пассивно возникающих в существующих умах. Таким образом, Бог в этом самом реальном смысле является создателем мира природы.

Ex nihilo, а также создатель конечного разума. Что ж, я полагаю, это достаточно ясно. И именно в свете этого вы, надеюсь, прочитали то небольшое стихотворение, которое Кауфман, стихотворение, если его вообще можно так назвать, вставляет на стр. 237, непосредственно перед началом отрывка.

Вы это читали? Был один молодой человек, который сказал: «Богу, должно быть, кажется крайне странным, если он обнаружит, что это дерево продолжает стоять, когда на площади никого нет. Вот дерево, которое падает в лесу, когда никого нет рядом, чтобы услышать это. Издает ли оно какой-нибудь звук? Вот дерево, которое стоит на площади, когда никого нет рядом, чтобы увидеть это».

Должно быть, Богу показалось крайне странным, если он обнаружил, что это дерево продолжает расти, когда на площади никого нет. Уважаемый господин, ваше удивление странно. Я всегда на площади.

Именно поэтому дерево будет существовать и впредь, как это наблюдал Ваш покорный слуга, Бог. Так что мир не возникает и не исчезает бесследно. Нет.

Оно бесконечно существует в разуме Бога с того момента, как он впервые его придумал. Хорошо. Теперь, несомненно, вы придумали множество возражений.

Кауфман нам кое-что дает. Но давайте сначала возьмем ваш экземпляр. Мне было любопытно.

Что бы вы сказали о человеке, страдающем галлюцинациями? Бог, по сути, играет с ним? Или когда вы видите оптические иллюзии? Не оптические иллюзии, а человека, который действительно галлюцинирует. Да.

Видения, всё остальное. Да, и вы хотите сказать, что галлюцинации — это то, что мы сами вызываем. Но они не являются добровольными.

Является ли это исключением из его способа различения добровольного и непроизвольного? И я думаю, он должен ответить утвердительно. Я не знаю, обсуждает ли он это. Думаю, он должен ответить утвердительно.

Существует некий психический сбой, в силу которого мы, если хотите, воображаем идеи. Как человек с чрезмерно развитым воображением, которого преследуют... можно сказать, сны. Если только он не объяснит сны как дар Божий, что вполне возможно.

Да. Да, я думаю, что на большинство ваших возражений сразу видно, как он на них отреагирует. Мне просто интересно, может быть, чтобы пойти дальше, как вы можете утверждать, что Бог является достаточной и необходимой причиной зла в мире? Да, он довольно подробно рассматривает проблему зла.

К сожалению, Кауфман не включил этот материал. Но, думаю, он рассматривает его ближе к концу своей работы о принципах естественного знания, и делает это следующим образом. Кстати, это очень актуальный вопрос.

Потому что, на мой взгляд, одна из главных проблем метафизического идеализма — это проблема зла. По крайней мере, с теистической точки зрения. По очевидной причине: если нет реальной материальности, нет реальных физических сил, то все, что составляет проблему зла — физическая боль, рак, торнадо и все остальное, включая смерть, — не имеют традиционного объяснения.

А именно, что они вызваны физическими процессами, которые являются частью физической среды, в которой находится Бог. Если мы вступаем в противоречие с этими процессами, мы ломаем себе шею. Что ж, если у вас нет физических причин для объяснения физического зла, у вас проблема.

И поскольку эти вещи доходят до нас как пассивный опыт, нужно признать, что Бог является их непосредственной причиной. Поэтому идеализм часто сталкивается с этой проблемой. И поэтому есть идеалисты, которые пытаются решить её, утверждая конечность Бога.

Хотя у него есть вся существующая власть, она не бесконечна. Существует предел тому, что можно представить в мире без зла. Поэтому даже Бог не смог бы придумать подобную идею, чтобы поделиться ею с нами, учитывая то, чего он добивался в конечных человеческих существах.

Другие идеалисты будут утверждать, что физическое зло — это иллюзия, что приближает нас к галлюцинациям. И где-то в этом кругу можно найти взгляды христианской науки, которая представляет собой идеалистическую метафизику.

На самом деле, несколько лет назад у меня был студент, который вырос в семье последователей христианской науки. И когда мы говорили о Беркли, он сказал что-то вроде: «Знаете, мне кажется, меня так воспитали. Беркли».

Итак, как же сам Беркли подходит к этому вопросу? Ну, он, конечно же, делает акцент на том, что мир природы, как его изобразил Ньютон, — это мир с неизменным порядком. Этот порядок не нарушается произвольно Богом. Это неизменный порядок.

Этот общий порядок природы. Он утверждает, что этот общий порядок природы необходим для управления обычной жизнью. Окружающая среда должна быть предсказуемой.

Это крайне важно, если мы хотим понять природные процессы. И можно добавить: занимайтесь наукой. Используйте природные ресурсы.

Оно должно быть упорядоченным и предсказуемым. Другими словами, оно необходимо для всего человеческого планирования, всех человеческих целей, всей умственной деятельности. И эти преимущества перевешивают то, что он называет частными неудобствами .

Таким образом, он использует то, что исторически называлось аргументом высшего блага. Зло допускается ради высшего блага. Оно заложено в упорядоченность вещей ради высшего блага.

Термин «особые неудобства» кажется несколько преуменьшающим проблему. Но он хочет сказать, что подобные проблемы, природные бедствия, необходимы для того, чтобы выявить контраст, подчеркнуть красоту, затенить картину, чтобы мы могли действительно увидеть добро и стремиться к нему. Другими словами, тот факт, что в человеческом опыте присутствуют и удовольствие, и боль, служит Божьим наставником, учителем, который учит нас, как мы должны жить и как себя вести.

Это, конечно, одна из вещей, о которых говорил Джон Локк, рассуждая об этике. Удовольствие и боль обеспечивают своего рода награду и наказание, создавая своего рода встроенную дисциплину в усвоении того, что правильно, а что неправильно. Таким образом, в этом смысле боль и страх необходимы для нашего благополучия, если рассматривать их в более широкой перспективе.

Таким образом, это аргумент, основанный на принципе «общего блага». Что, конечно же, по сути, то же самое, что христианские теисты использовали на протяжении веков для обоснования существования природных зол. Аргумент, основанный на принципе «общего блага».

Так что, хотя вы можете сказать, что это особенно проблематично для идеалиста, хорошо, если идеалист может использовать аргумент о высшем благе, он находится не в худшем положении, чем кто-либо другой. Теперь, когда дело доходит до человеческого греха, он очень четко это выражает. Это наши активные идеи, понимаете.

А каковы последствия этого для других людей? Бог упорядочивает их опыт в соответствии с последствиями ваших намерений по отношению к этим другим людям. Таким образом, сочетание аргумента о свободе воли и аргумента о высшем благе решает эту проблему.

Вы бы тогда не сказали, что природные бедствия являются частью естественного процесса, даже если греха никогда не было? Да, похоже, он так считает. Значит ли это, что человек смертен по природе? Это не обязательно следует из этого. Возможно, переживание смерти — это то, что Бог дал после грехопадения.

Я не думаю, что он обсуждал этот конкретный вопрос. По крайней мере, я этого не помню. О, да, да.

Но, видите ли, что бы вы ни говорили по поводу поднятого вами вопроса, это всё — природное зло, возникшее в результате грехопадения. Дело в том, что существование любого конечного физического существа во многом зависит от обстоятельств и от того, что происходит в окружающей среде. Адам мог упасть с настоящего дерева и сломать себе шею.

Понимаете? Я не склонен верить в то, что природное зло началось с грехопадения. Думаю, совершенно очевидно, если только пол в саду не был стерильным, что насекомые раздавливались каждый раз, когда люди ходили по нему. А если гибель животных является частью проблемы природного зла, то, понимаете...

Хорошо, Дэвид, теперь подумай. Как ты думаешь, как бы Беркли отреагировал на воплощение Бога? Я начну с более простого вопроса. Как бы он отреагировал на этот вопрос? Ты имеешь в виду, что Бог не создал небо и землю? Что бы сказал Беркли? Думаю, именно поэтому так трудно найти наследника в лице Беркли, потому что, как бы много он ни делал, на самом деле он делает очень мало.

Всё, что он делает, это устраняет нечто среднее. В каком-то смысле, я имею в виду, хорошо, Бог мог бы либо дать нам физические тела и всё это физическое, а затем поместить нас сюда, и тогда у нас были бы все эти восприятия. Или же он мог бы просто сделать нас духовными существами и автоматически внедрить все эти восприятия в наше существо.

Да какая разница? В любом случае, всё закончится одинаково. Это сделал Бог, а теперь наша ответственность. Да, видите ли, Бог сотворил небо и землю.

А как бы вы перевели это на берклиевский сленг ? Возможно, проще сказать «берклиевский сленг» . Как бы вы это перевели? Ну, это звучало бы примерно так: в определённый момент Бог сотворил конечные разумы и начал наделять их упорядоченным опытом восприятия природного мира. Хорошо, а что бы он сказал об этом воплощении? А именно, что Христос явился среди нас, Бог во плоти.

Итак, что же такое плоть? Плоть на языке Беркли, понимаете, это определённые идеи, определённый опыт, пассивно воспринимаемый. Понимаете ? Поэтому Христос был в этом отношении таким же полноценным человеком, как и любой другой. Рождённый от женщины? Да, так же редко , как и вы.

Понимаете ? Потому что он не отрицает ничего из того, что переживается. Всё, что он делает, это заставляет нас дважды подумать о конечной реальности, лежащей в основе того, что мы переживаем. Я собиралась спросить тогда, но вскоре она сказала, что пассивные идеи возникают у нас потому, что Бог их использует.

Значит ли это, что Иисус также получал пассивные идеи? Да. Да, это было бы частью его человечности в воплощении. Если он полностью человек, а также полностью божественный, то именно так мы всегда понимали воплощение.

Видите ли, в истории церкви. Если он — полноценный человек, он будет воспринимать вещи так же, как и мы. Да.

Поэтому вам не нужно корректировать своё понимание земного опыта Христа так же, как и своё понимание собственного опыта. Вы по-прежнему переживаете то же самое, что и он, и переживал то же самое. Понимаете ? Да.

Это не возражение. Хорошо. Я никак не могу понять, как можно узнать других людей по их сути.

Если Бог явно не вводит тебя в мою жизнь, то ты каким-то образом должен вводить тебя в мою жизнь. Ты говоришь о познании чужих разумов? Да. Как мы влияем друг на друга? Хорошо.

У Декарта, Локка и Беркли примерно схожие взгляды на то, как мы познаём других людей . Хорошо. Теперь вернёмся к Декарту, потому что там всё очевидно.

В теории Декарта речь идёт о сочетании разума и тела. Верно? И в случае с другим человеком также имеет место сочетание разума и тела. Согласно Декарту, физические изменения во внешнем виде или действии второго тела оказывают причинное влияние, вызывая изменения физического состояния, состояния мозга и сенсорных стимулов в первом теле.

В результате взаимодействия разума и тела возникают психические состояния. Хорошо. У меня есть представления о теле два, которые аналогичны моему собственному опыту восприятия тела один.

Таким образом, по аналогии, я прихожу к выводу, что в разуме два психические состояния коррелируют с телесными состояниями, подобно тому, как мои психические состояния коррелируют с моими телесными состояниями. Хорошо. Значит, это аргумент по аналогии.

Как M1 относится к первому телу, так и M2 относится ко второму телу. Я знаю это из непосредственного опыта. Я также знаю это.

Я это тоже знаю. И поэтому по аналогии я могу сделать такой вывод. Хорошо.

Джон Локк — тот же человек. Как я уже говорил, Джон Локк не столь категоричен в отношении субстанции разума или вещества, как Декарт. Но в любом случае, с точки зрения эмпирического подхода, это одно и то же.

Почему же тогда Беркли должен быть исключением? Вы увидите. Если у меня есть опыт второго тела, благодаря Богу, и если Бог даёт мне опыт, цитирую, второго тела и опыт первого тела, то, поскольку существуют аналогии, я могу иметь некоторое представление о том, что происходит во втором разуме. Понимаете? Теперь, особенно учитывая, что некоторые телесные действия связаны с созданием знаков или произнесением слов, так что, когда я слышу, как вы говорите: «Меня смущает...», если я узнаю в этих словах слова, которые я использую, то я по аналогии знаю, что происходит в вашем разуме.

Не только язык, но и другие телесные проявления. Да, это стандарт. Везде, где применяется репрезентативная теория знания, так оно и будет.

В конце концов, на первый взгляд это довольно сложный вопрос. Как мне проникнуть в вашу душу и понять, что происходит внутри вас? Проблема в том, что, согласно этой формулировке, мы сможем понять, что происходит в чужом уме, только если сможем рассуждать по аналогии. Понимаете? Мне кажется, что большая часть нашего понимания того, о чём думают другие люди, не является результатом аргументации.

Это мгновенное узнавание. Дело в том, что внешний вид тела вызывает узнавание, а не служит предпосылкой для вывода. Понимаете ? Поэтому я думаю, что здесь скорее имеет место аналоговое узнавание, а не аналоговый вывод.

Но даже этого недостаточно для некоторых представителей континентальной традиции XIX века, к которой мы начнём обращаться по мере изучения Гегеля, которые хотят сказать, что у меня нет самосознания, кроме как в некой диалектике с другим «я», моим альтер эго. Понимаете ? Так что господин познаёт себя господином только в лице раба. А раб познаёт себя рабом только в лице господина.

Понимаете ? Так же обстоит дело со всеми видами человеческого самопонимания. Поэтому первоначальный опыт, основная основа опыта, в этом случае, как мне кажется, не относится к Декарту . Это не первое лицо единственного числа.

Это предшествует опыту Я. Видите ? Вот так это развивалось в XIX веке, и из этого возникло понятие «Я-Ты» Мартина Бубера. Понимаете ? «Я - Ты», — говорит он , — это первоначальный базовый термин. Не «я», не «ты».

Я так и думал. Мы. А они тем самым разрывают с индивидуализмом XVIII века, который сделал нас всех атомами.

Социальные атомы. Брайан, снова. Просто быстро.

Думаю, здесь важнее вопрос контроля? Я понимаю, как твой разум может влиять на мой. Да. Но ты просто одна из тех многочисленных идей, вроде деревьев и всего прочего, что Бог мне внушает, или я тоже на тебя влияю ? Нет, я — разум.

Ты — настоящий разум. Я — настоящий разум. Мой разум — это не просто идея.

Мой разум реален. Всё, что существует, — это умы и идеи. Он не говорит, что всё, что существует, — это идеи.

Разумы. Бог контролирует... Видите ли, я пытаюсь... Бог контролирует ваш разум, мой разум? Да, именно. Бог контролирует то, что вы вкладываете в меня, или вы сами решаете, что вкладывать в меня? Нет.

Ответ — да. То есть, поскольку я добровольно пытаюсь что-то вам сообщить, я делаю это добровольно. Я это делаю.

Но поскольку ваш слух, видите ли, — это дело рук Божьих, Бог этого не делает. Видите ли, это похоже на тот случай, о котором мы говорили. Мое желание произнести слова — это тот случай, когда Бог дает вам услышать.

Не просто желание, а выбор, действие. Теперь о нематериальной сущности. Разум, душа и Декарт — синонимы.

Разум и душа — это нематериальные сущности. Конечно, это не обязательно верно для средневековых и древних времен, поскольку слово «душа» у греков и средневековых людей имело гораздо более широкое значение для обозначения жизни. Но то, что в средневековье и древности называлось рациональной душой, способной к независимому существованию, Декарт обозначил просто как разум.

Именно так это понятие используется у Локка. Именно так оно используется в Беркли. Не так, как в современной психологии, где оно просто обозначает сознание.

Это не осознанное действие, а осознанность. Один вопрос о грехе. Если все наши идеи инертны и неактивны... Нет, не все из них таковы.

Есть ли дух или воля? Именно это делает идеи активными? Видите ли, активные идеи — это идеи, которые я иницирую. Понимаете? Теперь, можно ли сказать, что «я» — это разум, дух, душа, воля... Хорошо, я, это я. Я это делаю. Да.

Да. Разум, да, здесь акцент делается на сознательном, рациональном бытии. Дух, это, по сути, неопределённое слово.

подобном контексте это означает лишь нечто нематериальное. Это не имеет никакого позитивного значения. На самом деле, для некоторых людей, с которыми мы познакомились в первом семестре, помните, например, для Гоббса, это означало лишь некое разреженное, физическое, газообразное существо.

В древности душа означала жизнь. Здесь же она эквивалентна рациональной душе, разуму, этой нематериальной части. А воля, конечно же, является одной из способностей разума.

Воля, интеллект, умственные способности. Воля может стать причиной греха. Впрочем, воля — это просто действие, совершаемое добровольно.

Да. Так что Уилл — активный агент. Поэтому, если я что-то сделаю кому-нибудь из вас, я действительно отомщу.

Кристин, я собираюсь... Я поставлю ей двойку за первый экзамен. Видите ли, если я сделаю что-то злонамеренное, злонамеренное такого рода, то это будет актом умысла.

Речь идёт не просто о размышлении над идеей, а о её воплощении в жизнь. Таким образом, это всё разные варианты мышления. Это просто разные способы выразить это.

Нет, это не одно и то же. Разные акценты. Разум — это классический термин, используемый при обсуждении проблемы разума и тела, дуализма Декарта и тому подобного.

Слово «дух» стало гораздо более распространенным в XIX веке, поскольку оно подразумевает нечто более динамичное, и здесь оно изредка используется просто для обозначения нематериального существа. Душа же в этот период использовалась как синоним разума. Акцент делается на бессмертии.

А «will» — это функциональный термин. Это термин, относящийся к факультету, а не к сущности. Эти три термина — сущности, термины, обозначающие сущности.

Нематериальная часть тебя. Поняла. Эстер? Что ж, тут есть несколько вариантов развития событий.

Во-первых, возвращаясь к номинализму, слово «материя» ни к чему не относится. Оно не имеет эмпирического значения. Как мы можем утверждать, что она существует, если мы не знаем, что это такое? Видите, почему он говорит, что она ни к чему не относится? Дело в том, что материя — это абстракция.

Есть краснота, есть квадратность, есть гладкость, есть округлость, есть шум. Но что это за материя? Как она выглядит? Ну, Локк сказал бы, что мы абстрагируем идею материи в целом от всех этих других физических вещей, физического опыта. Что же вы абстрагируете? Знаете, если это не красное и не синее, если это не квадратное и не круглое, если это не шумное и не тихое, то это ничто.

Ну, конечно, он не претендует на бесконечное знание, но я думаю, что если вы утверждаете существование материи, он скажет, что вы утверждаете то, чего не знаете. Вы вторгаетесь на неизведанную территорию гораздо больше, чем тот, кто её отрицает. Что? О, он думает, что можно доказать существование Бога.

Но вы не можете доказать существование материи. Вспомните исходную схему. Видите ли, начиная с Декарта, это и есть исходная схема.

Разум, который мы познаём непосредственно, имеет идеи, идеи, предположительно, о материи материального мира, о других разумах и о Боге. И, согласно Декарту, мы должны Докажите, что все три из них существуют. Видите ли, Декарт считал, что мы можем доказать существование всех трех.

Всё, что утверждает Беркли, это: нет, мы не можем это доказать. Но всё остальное мы можем доказать. Понятно? Теперь вы хотели узнать, в чём заключается его аргумент? Во-первых, об абстрактных идеях.

Во-вторых, о первичных и вторичных качествах. Да, мэм. Какой вариант? Как бы он на это отреагировал? Думаю, я пытаюсь ответить на этот вопрос в контексте его времени.

Думаю, он бы сказал, что упорядоченность природы, её обильное обеспечение человеческих потребностей и т. д. , и т. д., являются достаточным доказательством того, что Творец мудр, могущественен и добр. Да, мэм. Да.

Да, это стандартная линия аргументации. Что же говорит о Боге причинно-следственный аргумент в пользу его существования? Следует помнить, что концепция Бога как добра также имеет историю, восходящую к Средневековью и Платону. Бог есть добро.

Что такое благо ? Ну, в этом смысле благо — это идеал, к которому стремится вся природа. Да, мэм. Да.

И поэтому, я полагаю, можно сказать, что Беркли вполне мог бы утверждать, что Бог добр, если по определению именно это подразумевает термин «Бог». Вся концепция Бога связана с добром. Говорить о злом Боге — значит не говорить о Боге.

Видите ли, речь идёт о существовании не-Бога. Я спрашиваю об этом, потому что кое-что из этого мне напоминает, и я мало что об этом знаю, потому что мы ещё до этого не дошли, наверное, но на вводном занятии мы говорили о том, что мозги находятся в задней части тела, и о том, что это возможно, и это примерно то, на что это похоже. Да, только это не мозги в колбе, это разум в вакууме.

Да. Да, тебе просто трудно выйти из своего привычного образа мышления. Хорошо.

У меня вопрос о самом понятии материи . Насколько я понимаю сегодня, мои представления таковы: вещи состоят из мельчайших частиц, включающих электроны, протоны и ядро. Поэтому, когда я думаю о материи, мне кажется, что отрицается возможность каких-либо изменений.

Хорошо. Это составляет прочную основу. Да.

Есть ли у нас сейчас представление о том, что материя — это нечто физически реальное, вроде мельчайших частиц? Например, когда немного воды попадает в стакан, песчинки... Я думаю, что в этих песчинках есть что-то такое маленькое, но когда их все собрать вместе, получится нечто. Да.

Иногда историю научной мысли с XIX по XX век описывают так: дематериализация материи. Дематериализация материи. И вы можете увидеть произошедшие изменения, потому что в XVIII веке материя состояла из атомов, атомы — это маленькие частицы материи, неделимого вещества, понимаете.

Однако ситуация изменилась, когда мы начали говорить о структуре атома, когда мы поняли, что E равно MC^2 , что материя не является чем-то конечным в этом смысле. Принцип сохранения материи, то есть того, что она не может быть создана и уничтожена (ньютоновская физика), уступил место принципу сохранения энергии. Поэтому, я думаю, справедливо будет сказать, что в современной физике нет того понятия материи, которое существовало в XVIII веке.

Тем не менее, многое может зависеть от того, как вы будете рассматривать теорию субмолекулярных частиц. Являются ли они твердыми, неделимыми гранулами? Или это всплески энергии, обладающие гранулоподобным поведением? Так что нет, я думаю, что вот это, и это еще одна сторона исследования Беркеля, которая, на мой взгляд, гораздо более масштабна, чем все, что он говорил. Я думаю, вопрос заключается в том, имеет ли ньютоновская концепция материи какое-либо эмпирическое, какое-либо научное основание.

Мы сосредоточились на том, что он говорит о материи, но в его ответе на возражения, которые вы читали, вы могли заметить, что он говорит не только о материи, но и о силе, пространстве и времени. Теперь, если все четыре этих ключевых ньютоновских понятия не имеют эмпирического обоснования, что происходит с утверждением Ньютона о том, что он занимается эмпирической наукой? Существует ли вообще эмпирическое обоснование для ньютоновской науки? Беркли говорит, что нет. Дэвид Юм говорит, что нет.

Иммануил Кант говорит «нет». Это значит, что когда начала развиваться постньютоновская наука, почва для этого была готова. Теперь есть ещё одна, я хотел сказать «странность», но это слишком близко к странности, чтобы использовать это слово на данном этапе.

Есть ещё один небольшой нюанс, который здесь возникает: вопрос о том, воспринимается ли сама материя как пассивная, инертная или обладающая

какой-то силой, какой-то потенциальностью, находящейся в процессе, активной или пассивной? Понимаете? И, кажется, совершенно очевидно, что в Беркли акцент делается на пассивности.

Да. Очень пассивный подход. У некоторых континентальных мыслителей он стал более активным.

И, конечно, у Лейбница деятельность такова, что материя не является основной силой. Но такое представление о материи как о пассивной, лишенной какой-либо потенции, способной что-либо делать, чуждо более ранним представлениям о материи в платоновской аристотелевской традиции. Да, сэр.

О, вы найдете это у Демокрита, греческого атомиста. А Сара Майлз в «Истории науки» вчера днем говорила, что к тому времени, как мы дойдем до Лукреция, римского аналога Демокрита, материя уже активна. Хорошо.

Но для Платона, Аристотеля и средневековых мыслителей этой традиции материя — это сила. А теперь уберем букву Y с конца, и материя станет силой. Да, сэр.

Оно обладает природным потенциалом. В самой материи заложена телеология. В ней заложен внутренний талос.

Таким образом, утрата телеологического взгляда на природу, которая пришла с научной революцией и появлением механистической науки, изменила представление о материи, превратив её в нечто голое, пассивное и представляющее собой субстрат. И Беркли видит в этом проблемы. Хорошо.

Хорошо. Что-нибудь ещё о проблемах? Воскрешение мертвых? Ну, он об этом говорит. Да.

Всё довольно просто. Знаете, если бы вы увидели воскресшего из мертвых, что бы вы увидели? Ну, Беркли говорит, что да, именно это даёт Бог. В чём разница? Если бы вы воскресли из мертвых, что бы вы испытали? Ну, именно это даёт Бог.

В чём разница? Видите ли, материя эмпирически ничего не меняет. Другими словами, Беркли пытается придерживаться позиции, которая ограничивается тем, что подтверждается эмпирическими данными. Помните эвиденциализм Локка? Он заключался в том, что мы должны соотносить свои убеждения с имеющимися доказательствами.

И Беркли следует его совету. Соотносить веру с доказательствами. Ну, ладно.

Надеюсь, вы внимательно прочтете ответ на его возражения, начиная с главы 255. Там около 20 страниц. А если вам нужен ответ на богословские возражения, с которыми он сталкивается, найдите полное издание его «Принципов естественного знания».

Все они там. Любые ваши богословские проблемы, по крайней мере, связаны с его точкой зрения, — отвечает Беркли. — Хорошо.

Итак, несколько минут. Позвольте мне сделать несколько вводных замечаний о Дэвиде Юме, чтобы вы могли начать знакомство с этой темой. Конечно, тремя великими британскими эмпириками являются Локк, Беркли и Юм.

И, возможно, стоит попытаться быстро определить, что их отличает. Локк, похоже, является метафизическим дуалистом. То есть, он рассматривает и разум, и тело.

Хотя он и не так уверен в этом, как Декарт. Беркли — менталист. Не разум и тело одновременно, а только разум и его идеи.

Юм скептически относится ко всем метафизическим знаниям. Поэтому он не отстаивает никакую метафизическую позицию. Он не выступает за дуализм разума и тела.

Он не отстаивает материализм. Он не отстаивает идеализм. Он утверждает, что мы не знаем никаких фактов.

Иными словами, ничего о реальности как таковой. Никаких фактов, выходящих за рамки настоящего опыта. Иными словами, если модель заключается в том, что разум имеет свои идеи, свой опыт, которые представляют нам внешние вещи, то вы понимаете.

Теперь Юм, утверждающий, что мы не знаем никаких фактов, выходящих за рамки опыта, собирается сказать, что мы ничего не знаем о внешних вещах. И более того, что мы ничего не знаем о разуме, который был бы реальностью, выходящей за пределы нашего опыта. Таким образом, всё, что мы знаем, — это опыт.

Он скептически относится к этому знанию. Или же у него могут быть определённые убеждения, но не знания.

Таким образом, в силу того, что всё, что мы знаем, — это опыт, Юм, как мы уже указывали, также является феноменалистом. То есть, всё, что мы знаем, — это феномены, явления, но не реальность. Теперь, сказав это и поместив в рамки

теории репрезентации, вы можете предположить, в чём будет заключаться его аргументация.

А именно, это будет очень, очень похоже на Беркли. Юм следует аргументации Беркли о нашем знании материи и нашем знании причинно-следственной связи. Да.

И у него есть аналогичный аргумент относительно нашего знания о разуме и нашего знания о Боге. А именно, что используемые причинно-следственные выводы недостаточны. Они не доказывают это.

Это имеет дальнейшие последствия, поскольку этика, разработанная Локком, как вы помните, представляла собой этику, которую, по его мнению, можно было доказать, исходя из нашего знания о природе человеческого «я». Из человеческой природы. Но если у нас нет знания о человеческой природе, что мы можем с этим сделать? Таким образом, этика естественного права Джона Локка также исключается Юмом.

И поскольку он всё ещё хочет быть эмпиристом, к чему он обратится? Не к эмпирически выведенному знанию человеческой природы, с метафизической точки зрения, а только к опыту наших моральных чувств. Таким образом, в этике он становится тем, кого мы называем этическим субъективистом. То есть, основой наших моральных суждений являются наши моральные чувства.

Да. Когда я говорю, что что-то несправедливо, я имею в виду, когда вижу сходство между нами и тем, как с тобой обращаются, мне становится больно. Потому что я знаю, что мне бы тоже было больно.

И поэтому я кричу: несправедливо! Это значит: ой, больно. Этический субъективизм. Потому что в развитии феноменализма, который не выносит метафизических суждений, у вас нет метафизической основы для этики.

Таким образом, этике необходимо найти новое направление. И здесь прослеживаются черты, характерные для Гоббса и Локка. Обратите внимание, как оба они говорят об удовольствии и боли, которые играют определенную роль в нашем моральном познании.

Таким образом, эти эмпирические составляющие морального опыта подбираются и, по сути, становятся основой этики у такого мыслителя, как Юм. Подумайте об этом, читая Юма. Тот факт, что он утверждает, что не знает, означает, что скептик говорит: «Я не знаю и не знаю, как это узнать».

Он не из тех, кто что-то отрицает, кто говорит, что мы не знаем. Тот факт, что он чего-то не знает, всё же позволяет ему верить в определённые вещи по другим причинам. Он верит в существование материи.

Беркли так не считал. Он верит в существование материи. Он не верит в существование разума и души, по крайней мере, похоже, он не видит в этом никакой реальности.

Его отношение к Богу несколько неоднозначно, в зависимости от того, как вы понимаете его труды, как вы их интерпретируете. Но на каком основании человек верит? Вера — это результат не логического процесса или эмпирических доказательств, а психологического процесса. И он обращает наше внимание на психологию веры, а не на логику доказательств.

Итак, читая Юма в первой главе, вы обнаружите, что он говорит: будьте философом, но среди всей вашей философии оставайтесь мужчиной, женщиной. Хотя, я добавлю, он не говорит «женщиной». Он говорит: «Оставайтесь мужчиной, женщиной».

Другими словами, в человеческой природе есть нечто такое, что не позволяет нам уйти, не поверив. Хотя философия напоминает нам, что у неё нет логических доказательств. Поэтому он пытается найти баланс между этими двумя аспектами.

Хорошо, мы начнем более подробно говорить о Дэвиде в понедельник.